

ИГРА НА ДЕНЬГИ

Adam Smith

THE
MONEY GAME

VINTAGE BOOKS
A Division of Random House
New York

Адам Смит

ИГРА НА ДЕНЬГИ

Перевод с английского

4-е издание

Москва
2012

УДК 336.76.01
ББК 65.262.2
С17

Издано при содействии
Международного Финансового Холдинга
FIBO Group, Ltd.

Переводчик М. Вершовский

Смит А.

С17 Игра на деньги/ Смит Адам; Пер. с англ. — 4-е изд. — М.: Альпина Паблишер, 2012. — 268 с.

ISBN 978-5-9614-1595-7

Лорд Кейнс первым сказал, что управлять деньгами на финансовых рынках — значит играть. Автор утверждает, что большинство книг, посвященных деньгам, говорят лишь об экономике и статистике — а это лишь половина игры. Вторая половина игры на деньги — люди, взятые вместе и по отдельности, эмоциональный инвестор и иррациональная толпа. Эта книга о том, как ведется игра и как действуют игроки.

Деньги — настолько серьезный предмет, что, кажется, невозможно себе представить непринужденный и веселый разговор о них. Данная книга не просто знакомит читателя с некоторыми «неправильными правилами», она представляет собой уникальный взгляд на Уолл-стрит, на игру на деньги и ее участников.

УДК 336.76.01
ББК 65.262.2

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

© Adam Smith, 1967, 1968, 1976
© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление.
ООО «Альпина Паблишер», 2012

ISBN 978-5-9614-1595-7

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие переводчика.....	7
------------------------------	---

Часть I

ВЫ:

ПОИСКИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ, ТРЕВОГИ, ДЕНЬГИ.....	9
Глава 1. Почему мастер сказал «игра».....	11
Глава 2. Любимые книги мистера Джонсона	22
Глава 3. Могут ли чернильные пятна сказать вам, что вы тот человек, который в состоянии сделать на бирже кучу денег.....	37
Глава 4. Действительно ли биржа — это толпа	45
Глава 5. Вы хотите сказать, что деньги и есть это самое?	52
Глава 6. Что они там делают	57
Глава 7. Тревоги и поиски индивидуальности	72
Глава 8. Где деньги лежат.....	89
Глава 9. Мистер Смит признается в своей предвзятости.....	94

Часть II

СИСТЕМЫ

Глава 10. Можно ли предсказать будущее по следам.....	113
Глава 11. Что за чертовщина это «случайное блуждание»	134
Глава 12. Компьютеры и компьютерщики	154
Глава 13. Но что означают эти цифры.....	163
Глава 14. Почему маленький человек всегда неправ.....	177

Часть III

ОНИ:

ПРОФЕССИОНАЛЫ.....	185
Глава 15. Култ результативности.....	187
Глава 16. Ланч у толстяка Скарсдейла.....	199
Глава 17. Победители и проигравшие: Бедняга Гренвилл, Чарли и ребята.....	206
Глава 18. «Тайминг» и смена направления: игра в какао.....	224

Часть IV

ПРИЗРАК АПОКАЛИПСИСА:

МОЖЕТ ЛИ ВСЕ ЭТО РУХНУТЬ?.....237

Глава 19. Мой друг Гном из Цюриха говорит,
что финансовый кризис неизбежен.....239

Глава 20. Если полудолларовые монеты стали исчезать,
то значит ли это, что на нас надвигается
нечто злое.....249

Часть V

ОБРАЗЫ МИЛЛЕНИУМА:

ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОТИТЕ БЫТЬ БОГАТЫМ?261

Глава 21. Целеустремленный инвестор.....263

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Если вы начинающий биржевой игрок (или хотя бы подумываете стать таковым), приготовьтесь провести пару ближайших ночей без сна. Нужно обладать поистине железной выдержкой, чтобы оторваться от этой книги — и я уж не знаю, какая нужна выдержка, чтобы, оторвавшись, все-таки заснуть.

Если вы профессионал-финансист, чье состояние, возможно, выражается цифрой с изрядным количеством нулей, то свет будет подолгу гореть и в вашей спальне. Вас, конечно, уже ничем не удивить и не пронять — за одним примечательным исключением, которое вы в данную минуту и держите в руках. Там, где инвестор-дилетант с ходу будет проглатывать страницу за страницей, вы остановитесь не раз. Потому что не раз эта книга наведет вас на совершенно неожиданные, оригинальные, а может, и авантурные мысли.

Если же вы политик или психолог, то вам вообще рекомендуется приостановить выполнение любых своих прямых обязанностей вплоть до самого детального ознакомления с данным трудом. Ведь книга эта не только (или не столько?) о бирже. Она еще и о толпе. Вам, как никому другому, будет интересно открыть для себя новые аспекты массовой психологии и по-новому увидеть движущие силы толпы.

Быть причастным к первому знакомству российского читателя с книгой «Игра на деньги», безусловной классикой финансово-биржевой литературы, — большая честь и большая радость. И, конечно же, большая ответственность. Работать над переводом было и очень весело, и очень нелегко, потому что книга Адама Смита разительно отличается от тех изданий, которые привычно зачисляются в вышеупомянутую рубрику.

Она написана с искрящимся юмором, воскрешающим в памяти имена признанных мастеров жанра. Добавлю, что речь идет о юморе по-настоящему интеллигентном, тонком, но далеко не беззубом.

Она читается с тем же неослабевающим напряжением, с каким читаются лучшие приключенческие романы. И это вовсе не метафора, потому что «Игра на деньги» полна самых разнообразных и захватывающих историй, в том числе историй с традиционной приключенческой атрибутикой (чего стоит хотя бы глава об афере с фьючерсами на какао!).

И вместе с тем она самым серьезным образом вводит нас в курс самых серьезных дел и проблем. Гигантская, порой невообразимо гигантская машина фондовой биржи, плюс многомиллионная (и иррациональная!) толпа инвесторов, плюс таинственные «они» (те самые, кто, согласно нашим подозрениям, и дергают главные ниточки за кулисами), плюс многое, многое другое — мыслимо ли дать в одной книге и общий всеобъемлющий взгляд на этот феномен, и аналитический подход к разным его составляющим? Конечно же, невозможно. Непредставимо. Если только... книга эта не «Игра на деньги».

«Игра на деньги» стала первой книгой Адама Смита, но, к счастью для всех нас, она оказалась далеко не последней. За ней последовал целый ряд не менее увлекательных, захватывающих и глубоких текстов, в которых блистательное ерничество прекрасно уживается с поразительной серьезностью и точностью анализа, что, по-моему, кроме Смита, так до сих пор никому и не удалось.

Хочется верить, что первая встреча российского читателя с творчеством Адама Смита непременно превратится в долгую и добрую дружбу.

*Михаил Вершовский
Оттава, Канада*

ЧАСТЬ I

ВЫ:

ПОИСКИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

ТРЕВОГИ

ДЕНЬГИ

ГЛАВА 1.

ПОЧЕМУ МАСТЕР СКАЗАЛ «ИГРА»

Мир не таков, каким его нам пытаются изобразить.

Подсознательно мы это знаем. Девочка смотрит телевизор и спрашивает: правда ли, что ей дадут роль в детском спектакле, если она будет полоскать рот «Листерином»? И мама говорит: «Нет, лапушка, это всего лишь рекламный ролик». Довольно скоро малютка начинает понимать, что у родителей есть и их собственные рекламные ролики: чтобы успокаивать детей, заставлять их есть и так далее. Но на родителей — а по сути на всех нас — в свою очередь тоже обрушивают целую лавину рекламных роликов, которые на первый взгляд на ролики вовсе не похожи. Предложение серебра резко упало, запасы его в казначействе снижаются, и казначейство начинает бояться, что они иссякнут. Поэтому казначейство говорит газете «Нью-Йорк Таймс», что, учитывая то да еще и это, серебра нам хватит еще лет на двадцать. Люди слушают рекламный ролик и сидят тихо, ожидая получить свою роль в спектакле, а циники бегут и выкачивают все серебро из казначейства, после чего цена его взлетает до небес.

Эта книга — о видимости и реальности, о поисках индивидуальности и тревогах. И о деньгах. Если это вас не пугает, то вас ничто не способно напугать. На самом деле все не так уж серьезно, и дальше я приведу слова лорда Кейнса по этому поводу. Вы уже, наверное, знаете разницу между видимостью и реальностью, и, скорее всего, вам хорошо знакомы и тревоги, и поиски индивидуальности. О деньгах, разумеется, знает каждый, так что нам остается просто замесить вместе все эти понятия. В этом введении я хочу сказать вам всего две вещи. Первая из них относится к тому, чем я не являюсь. Вторая сводится к одному-единственному предложению: озарению, яблоку, упавшему мне на голову, которое и привело меня к выводу, сформулированному в самой первой фразе книги, о том, что мир не таков, каким его нам пытаются изобразить.

Я, понятное дело, не Адам Смит. Мистер Смит покоится на кладбище в Кэнонгейте, а надпись на его могильной плите, сочиненная им самим, представляет его как автора «Богатства народов». Он лежит там с тех пор, как в 1790 году умер, осыпанный почестями и окруженный уважением, обессмертив себя как первый экономист свободного рынка во всех трактатах по истории экономической мысли. Сам мистер Смит, однако, считал себя не экономистом, а философом-моралистом. «Какой смысл, — писал он в “Теории морального чувства”, — во всех трудах и хлопотах этого мира? Какой смысл в жадности и амбиции, в стремлении к богатству, власти и собственной значимости?» Мне нравятся эти слова, но не из-за них я обзавелся псевдонимом Адам Смит. Все произошло по счастливой случайности.

Не так давно меня попросили написать что-нибудь об Уолл-стрит в одном новом журнале, и меня осенила, как я тогда думал, чудесная идея. Об Уолл-стрит пишут мало такого, во что верили бы сами уоллстритцы. (Уолл-стрит работает по принципу «сказал-услышал», как глобальная деревня Маршалла Маклюэна.) Происходит это потому, что журналисты, пишущие о Стрит, находятся вне, и Уолл-стрит обычно сообщает им примерно то, что ей, Уолл-стрит, нужно. Уолл-стрит оплачивается прекрасно, пишущие о ней — нет, и когда эти пишущие начинают более или менее разбираться в проблеме, им предлагают работу на Уолл-стрит, куда они с радостью и бросаются, удовлетворяя свой творческий зуд работой над какой-нибудь комедией по выходным. Теперь они уже внутри, они богаты и больше не пишут об Уолл-стрит. Журналисты, которые действительно хотят писать, всегда предпочитают лететь с президентом на его самолете «BBC №1» или сидеть в ресторане отеля на Беверли-Хиллз с какой-нибудь кинозвездой. Такие журналисты и бывают героями званых обедов. Пишущие об Уолл-стрит героями званых обедов не бывают, потому что любой брокер или менеджер фонда знает больше сплетен об Уолл-стрит, чем любой журналист.

Конечно, существуют и публицисты с самой Уолл-стрит — в отличие от пишущих об Уолл-стрит. Некоторые из них пишут не хуже, чем Эддисон, Стил или любой другой нормальный газетчик. Бредбери Тарлоу, например, публикует еженедельные отчеты о бирже, написанные с изяществом моцартовских сонат. Но эти эссе представляют собой туманные размышления на тему конкретных

акций, а их финальный аккорд сводится к слову «следовательно», как будто само эссе было логическим аргументом: следовательно, нам стоит покупать акции компании «Телефоун», *quod erat demonstrandum* — что и требовалось доказать.

О том, что происходит на самом деле, очень трудно написать любому, кроме инсайдера. (Б.Ч. Форбс, основатель журнала, носящего его имя, это хорошо знал. Он заметил, что репортерам с блокнотами и авторучками приходится ждать на кухне старого отеля «Уолдорф». Тогда Форбс обзавелся цилиндром, штанами в полоску и принялся толкаться наверху среди магнатов.) Но для инсайдера существуют иные проблемы. Например, как сделать так, чтобы ваши друзья не пришли в ярость, если вы изобразите всю эту брейгелевскую сцену на бумаге?

Моя гениальная идея заключалась в том, чтобы взять псевдоним, а заодно поменять имена и данные моих друзей-игроков. Менеджер фонда спокойно поделится с другим менеджером фонда своими самыми потаенными мыслями и чувствами, состоянием дел в своем браке и даже деталями своих сделок на бирже, но он никогда не скажет того же какому-нибудь брокеру, журналисту или любому человеку извне, не способному понять его во всех деталях. И я подумал: если не напускать на себя серьезность, то любой, сидящий в «Оскаре», что в двух шагах от Уолл-стрит и брокерской фирмы братьев Леман*, будет только рад поучаствовать в игре.

Псевдонимы в этой стране не в моде. Джордж Кеннан, выйдя в отставку из госдепартамента, правда, подписывался какое-то время «мистер Икс» под своими статьями в журнале «Форин Аффэйрз», но очень скоро снова стал Джорджем Кеннаном. В Англии, где умение читать является врожденной способностью в определенных сферах, псевдонимы долгое время были весьма популярны. Если что-то в начале XIX века беспокоило какого-нибудь банкира, он не нанимал агента по связям с прессой, а писал свою собственную полемическую статью, подписываясь «Катон» или «Юстиниан», — и все дела. Если управляющий Английским банком хотел произвести залп по своим противникам, он мог подписаться «Плавт» или «Сенека», а потом изливать яд сколько душе угодно. Он знал, что внимание публики ему обеспечено, поскольку совершенно очевидными были его профессиональные зна-

* Lehman Brothers. — *Прим. ред.*

ния. Эта традиция в какой-то степени еще жива в Великобритании, но ныне за таким Юстинианом могут стоять несколько человек. (Я не хочу сказать, что это всегда так и что под вывеской Адам Смит нас шестеро.)

И я выбрал себе псевдоним Прокруст. Как вы наверняка знаете, Прокруст был древнегреческим бандюгой с большой дорожкой, который укладывал свои жертвы на железное ложе. Если они были слишком коротки, он их вытягивал, если бедняги оказывались длинноваты, он обрубал им ноги. Такой псевдоним выглядел очень кстати для Уолл-стрит.

Вышеупомянутый новый журнал так и не состоялся, и тогда редактор журнала «Нью-Йорк», приложения к воскресному выпуску «Уорлд Джорнэл», выловил мой материал и поставил его в номер. («Уорлд Джорнэл» была нью-йоркской газетой, успевшей с тех пор отправиться к праотцам.) «Но мне надо изменить имя автора, — сказал редактор по телефону. — Никто никогда не поверит, что человека могут звать Прокруст. Уж больно это похоже на псевдоним, а мы псевдонимами не пользуемся. Так что я поставил первое более или менее подходящее имя из тех, что пришли мне в голову. Кажется, это было Адам Смит».

Таким вот образом и появился на свет Адам Смит — мое любимое воскресное развлечение, которое стало настолько забавным, что прекратить его не было уже никакой возможности.

Во-первых, если какая-то ситуация из описываемых мною воплощалась в реальность, Уолл-стрит поставляла все прочие необходимые детали для моих очерков. Да вот хотя бы Бедняга Гренвилл, менеджер фонда, который, как я о том писал, всегда делал ставку не на ту лошадь. Он только успел набить для своего фонда удобную подушку в 25 миллионов долларов, как рынок развернулся и удрал в другую сторону — без него. Беднягу Гренвилла знает каждый, но, как мне не раз о том говорили, Бедняга Гренвилл пролетел не на двадцать пять миллионов, а на девятнадцать или на тридцать три, а кроме того, он не блондин, а шатен или даже рыжий. Во всем же прочем это точно был Бедняга Гренвилл. С тех пор я лично познакомился с шестью беднягами Гренвиллами, и новые все прибывают.

Во всем этом присутствовали и мотивы Ламонта Крэнстона. (Если вы не помните Ламонта Крэнстона, знаменитую тень, и тайные знания, полученные им на Востоке и позволявшие невидимкой

разгуливать среди людей, — значит, мы с вами не принадлежим к одному и тому же поколению.) Однажды я был на званом вечере, где присоединился к группе людей, почтительно внимавших какому-то репортеру «Нью-Йорк Таймс», которого я в жизни не видел. Этот репортер уверял, что знает Адама Смита в течение долгих лет, после чего рассказал нам о нем всю подноготную. В другой раз, когда я летел в самолете, сосед-пассажир представился и у нас завязался разговор; и он тоже рассказал мне об Адаме Смите. Когда он увидел, какое впечатление это произвело на меня, то добавил, что *лично знает* Адама Смита, но не может сказать мне, кто он такой на самом деле, потому что Смит взял с него клятву этого не делать. И это здорово. Это все равно что быть в бегах и скрываться — притом что за тобой никто не гонится.

Вы, конечно, заметите, что красной нитью через всю эту книгу проходят меткие наблюдения Джона Мэйнарда Кейнса. Кейнс-экономист к этому отношения не имеет; меня интересовал Кейнс-эссеист и Кейнс-биржевик. Кейнс-экономист — это историческая данность, как Дарвин, Фрейд, Адам Смит или Керкэлди в Шотландии, где последний родился. Я упомянул об этом потому, что Кейнс-экономист до сих пор вызывает у многих читателей весьма эмоциональную реакцию. Пару раз процитировав Кейнса в моих очерках, я стал получать письма от джентльменов, чей лексикон был созвучен изданиям правого толка. Эти джентльмены намекали, что если я имею хоть какое-то отношение к Кейнсу, то сам я марионетка в руках англичан и международных банкиров и что я, скорее всего, радуюсь обессиливанию доллара, а значит, и расшатыванию моральных устоев американского народа. В колледже я как-то писал длинную работу о Кейнсе, которую недавно нашел, наводя порядок в своих шкафах. Поразительно, насколько глуп может быть человек в колледже, потому что, ломая себе голову над кейнсовским

$$L_1(Y) = \frac{Y}{V} = M_1,$$

я прозевал весь кайф.

Он был экономистом со стилем, блистающим остроумием, что само по себе уже большая редкость. Но еще важнее то, что он был человеком, глубоко чувствовавшим жизнь и умевшим жить. Кейнс был выдающимся биржевым оператором, сделавшим состояние не только для себя, но и для своего колледжа в Кембридже, а делал

он это в течение получаса по утрам, не вставая с постели. Я думаю, что именно инвестиции на фондовом рынке позволили Кейнсу сделать многие выводы для тех разделов его «Общей теории», которые относятся к долгосрочным вероятностям. Это были небрежно брошенные реплики, вторичные по отношению к главным моментам теории, но они были и остаются самыми точными замечаниями о предмете. Хотелось бы, чтобы их было больше. Не было и нет более пронизательного — если речь о бирже — человека, чем Кейнс. И я уверен, что он не смог бы обрести это чутье без непосредственного участия в операциях на финансовых рынках. Университетские экономисты этого чутья лишены.

Нас — по меньшей мере, тех из нас, кто не рос в роскоши, — учили тому, что деньги это очень серьезное дело, что управление капиталом суть религиозное действо и что любой, заправляющий деньгами, должен вести себя как очень предусмотрительный человек. Это часть протестантской этики и духа капитализма, которые, я полагаю, и сделали Америку тем, что она есть. Копейка рубль бережет, не потратишь — не пожалеешь, сэкономь 10 процентов на летней распродаже и так далее. А потом я наткнулся вот на какую фразу в разделе «Долгосрочные вероятности» кейнсовской «Общей теории занятости, инвестиций и денег»:

«Игра в профессиональные инвестиции невыносимо скучна и чрезмерно требовательна для каждого, кто начисто лишен инстинкта игрока. Тот же, кто наделен этим инстинктом, вынужден платить соответствующую цену за свое пристрастие».

Игра? Игра?! Почему мастер сказал «игра»? Ведь он мог сказать «бизнес», или «профессия», или «занятие», или что угодно еще. Что такое игра? Это «спорт, досуг, шалость или развлечение»; «искусство комбинации, приложенное к достижению цели»; «соревнование, проводимое в соответствии с определенными правилами для отдыха, развлечения или выигрыша определенной ставки». Какое из этих определений звучит как «иметь долю в американской промышленности»? Или «участвовать в долгосрочном росте американской экономики»? Ни одно из них. Но применительно к бирже все они звучат очень похоже.

Продвинемся еще на один шаг. Доктор Джон фон Нейман и доктор Оскар Моргенштерн в свое время создали теорию игр

и экономического поведения. Эта теория оказала огромное влияние на жизнь страны в целом. Она влияла на принятие оборонных решений и разработку рыночной стратегии гигантскими корпорациями. Что такое теория игр? Упрощенно можно сказать, что это попытка количественно определять и разрабатывать действия участников игры, непрерывно взвешивая имеющиеся у них варианты выбора. Выражаясь более строго, теория игр — это ветвь математики, занимающаяся анализом конфликтных задач, которые она решает, формализуя общие стратегические особенности в теоретические модели. (Уже по самой конструкции последней фразы вы могли догадаться, что я это переписываю из книги, так что останавливаться на ней мы не будем.) Делая упор на стратегические аспекты, то есть на аспекты, контролируемые самими участниками, эта теория выходит за рамки классической теории вероятностей, в которой рассмотрение игр ограничено случайными событиями. Фон Нейман и Моргенштерн работали с системами, включавшими в себя конфликтующие интересы, недостаточную информацию и причудливые сочетания свободных рациональных решений и случая. Они начали с парных игр с нулевым суммарным исходом, где один игрок выигрывает, а другой проигрывает. На другом конце у нас оказывается нечто вроде фондовой биржи — бесконечная игра для n игроков. (N — это одна из букв, которой пользуются экономисты, когда чего-то не знают.) Фондовая биржа, вероятно, пока еще слишком сложна даже для теоретиков игры, но я думаю, что в один прекрасный день и она станет серьезным объектом уравнений и квантификации.

Я говорю обо всем этом лишь потому, что убежден: биржа это одновременно игра — и игра, то есть она одновременно спорт, досуг, баловство, развлечение — и субъект непрерывного взвешивания имеющихся вариантов выбора. Будь она только игрой, что мешало бы нам избавиться от тяжелого и даже опасного груза эмоций, сопряженных для каждого с инвестициями капитала? Ведь в просто игре ставка выигрыша однозначно определена, а все остальное становится неважным и ненужным. Кстати, что здесь такого удивительного? «Восемьдесят процентов инвесторов вкладывают деньги вовсе не с целью делать деньги», — говорит один из ведущих знатоков на Уолл-стрит. Инвесторы вкладывают деньги не для того, чтобы заработать? Похоже на явное противоречие. Для чего же они это делают? Этот вопрос может

быть предметом отдельной дискуссии, и к нему мы обратимся несколько позднее.

Пока же давайте вернемся к кейнсовской фразе, проливающей свет на проблему, — фразе о том, что игра в профессиональные инвестиции невыносимо скучна и чрезмерно требовательна ко всем, за исключением тех, кто наделен инстинктом игрока, притом что последние вынуждены платить за это соответствующую цену. Здесь действительно сказано все. В США двадцать четыре миллиона прямых инвесторов, то есть людей, активно покупающих акции. (Я говорю «прямых», поскольку косвенным образом, через страховые компании и пенсионные фонды, мы имеем около ста миллионов инвесторов, то есть речь идет практически обо всех, исключая детей и нищих.) Не каждый из этих двадцати четырех миллионов по-настоящему активен, но цифры участников растут день ото дня, делая фондовую биржу гигантским всенародным времяпровождением. Активные инвесторы не заинтересованы в облигациях (за исключением конвертируемых) и привилегированных акциях (за исключением опять-таки конвертируемых). Дело не в том, что на этих инструментах нельзя заработать, нет, но дело в том, что в них недостаточно романтики для того, чтобы они стали частью игры. Они просто скучны. Трудно прийти в эмоциональное возбуждение, читая таблицу облигаций, где ваш указательный палец медленно ползет по колонке, пока не добирается до нужного вам соотношения надежности и процентной ставки дохода.

Иногда иллюзии предпочтительнее реальности, но у нас нет причин расстраиваться при осознании того факта, что именно игровой инстинкт спасает фондовую биржу от скуки. Если вместо того чтобы зарыть это открытие поглубже, мы принимаем его к сведению, то оказываемся в состоянии «заплатить соответствующую цену за свое пристрастие» и двигаться дальше.

Здесь я имею в виду лишь признание факта — факта существования такого инстинкта. Доктор Томас Шеллинг, гарвардский экономист и автор множества работ по военной стратегии, идет несколько дальше. В своей книге «Экономика и преступная организация» доктор Шеллинг пишет:

«Величайшее игорное заведение в Соединенных Штатах оказалось почти незатронутым организованной преступностью. Я говорю о фондовой бирже... Причина этого коренится в том, что биржа

слишком хорошо работает. Федеральный контроль над фондовой биржей, разработанный в основном для того, чтобы сохранить в ней дух честности и открытости... делает ее слишком трудным объектом для вмешательства извне».

Первое предложение приведенного отрывка обязано было вызвать дружный гневный вопль всех пресс-секретарей Нью-Йоркской фондовой биржи. Нью-Йоркская биржа и вся индустрия ценных бумаг годами вели агитацию, нацеленную на выкорчевывание идеи о том, что покупка акций — это игра, и, хотя в стране там и сям еще остались уголки, где люди по-прежнему относятся к Уолл-стрит с традиционным популистским недоверием, эта агитация в значительной степени оказалась успешной. Можно согласиться с тем, что словесная формулировка доктора Шеллинга не вполне удачна: биржа, конечно же, не игра в том смысле, в каком игрой является лотерея. Но биржа — это упражнение в массовой психологии, в попытке предугадать лучше, чем толпа, как эта самая толпа будет себя вести. Иногда книги, написанные с целью рассеять существовавшие до 1929 года подозрения, оказываются помехой тому, чтобы видеть вещи такими, какие они есть.

Все это ведет нас к одному прагматичному наблюдению. На мою долю выпала возможность быть знакомым со множеством людей на фондовых рынках и вокруг них: инвестиционными банкирами, экономистами, инвестиционными брокерами крупных корпораций. Я прошел солидный курс, посвященный анализу ценных бумаг, что ощутимо отбросило меня назад, и курс инвестиционного менеджмента. (Правда, я никогда не был брокером и никогда не торговал ценными бумагами — это требует совсем других способностей.) Я принимал за моим обеденным столом теоретиков «случайного блуждания», наливавшихся кровью при мысли о том, что где-то есть люди, называющие себя «теханалитиками» и верящие в то, что по текущим ценам можно предсказать будущее. Я был знаком и с теханалитиками, которые с помощью компьютеров так зарывались в выстроенные ими схемы, что умудрялись забыть, зачем и для чего они вообще этим занимаются.

Я потратил годы, чтобы выбросить из головы то, чему меня учили, и не скажу, что мне это до конца удалось. Я говорю об этом потому, что большинство написанного о бирже объясняет вам, как оно должно быть, в то время как успешные инвесторы,

которых я знаю, никогда не цеплялись за то, как оно должно быть, а просто работали с тем, что есть на самом деле. Если вам легче представлять себе этот магический, сложнейший, бесконечный процесс на n участников как игру, то, наверное, так вам и следует его представлять. Это помогает избавиться от шор теологического принуждения.

Если же вы один из игроков в этой игре или хотя бы подумываете о том, чтобы стать таковым, вам стоит осознать, что здесь существует один ироничный момент. Цель этой игры — делать деньги, и чем больше, тем лучше. Все участники игры все быстрее обретают навыки профессионалов, а информацию о происходящем уже стало невозможно переваривать из-за одного ее объема. Настоящие профессионалы игры — профессиональные инвестиционные брокеры — также становятся все искуснее. Конечно, они люди, они тоже совершают ошибки, но ныне, если вашими деньгами управляет внимательный и быстрый взаимный фонд или хотя бы один из ведущих банков, вы можете рассчитывать на более серьезный результат, чем в любой период даже недалекого прошлого.

Но если вы не сами распоряжаетесь своими деньгами, это значит, что сам процесс вам не слишком интересен. Во всяком случае, элемент игры — того самого пристрастия, за которое приходится платить, — не привлекает вас. Я знаю множество инвесторов, приходивших на биржу с одной целью: делать деньги. Инвесторов, убедивших себя в том, что единственное, что им нужно, это деньги: уверенность в завтрашнем дне, кругосветный круиз, новая яхта, усадьба в деревне, коллекция картин, зимнее убежище на одном из островов в Карибском море. И они преуспели. Теперь они сидят на террасе своего карибского дома, небрежно болтая с дилерами от искусства и нежно поглядывая на новенькую яхту, а потом им становится немножко пустовато. Чего-то начинает не хватать. Если вы успешный игрок в игре, она может быть околдовывающим, требовательным, абсолютно всепоглощающим занятием — по сути дела, такой она и должна быть. Если она не поглощает вас целиком, вы вряд ли окажетесь среди особо преуспевших, потому что вы играете против тех, кто отдается игре полностью.

Те самые ребята с карибскими домами и новыми яхтами, обнаружив, что чего-то стало не хватать, не бросаются продавать дома и картины и посыпать голову пеплом. Яхты, дома и картины остаются там, где они и были, но игроки снова возвращаются

к игре, и теперь у них нет времени на прежние игрушки. Игра доставляет куда как большее удовольствие. Она, вероятно, не сделает вас лучше, чем вы есть, и я вовсе не уверен, что игра есть такое уж благодеяние для человечества. Как максимум, мы можем лишь повторить вслед за Самуэлем Джонсоном, что невозможно себе представить человека, занятого более безвредным занятием, чем делание денег.

Ирония ситуации заключается в том, что это игра с деньгами и очки в ней учитываются также в деньгах. Но истинная цель игры не деньги. Это — сама игра. Настоящих игроков не испугало бы, если бы вы убрали реальные награды и заменили их шариками из пластика или китового уса. Пока существует способ вести счет, они будут играть.

ГЛАВА 2. ЛЮБИМЫЕ КНИГИ МИСТЕРА ДЖОНСОНА

...Доминанта нашего времени — ирреальность.

Поскольку те, кто играет в нашу игру умело, вправе рассчитывать на богатство, вряд ли стоит удивляться тому, что имеется огромное количество серьезных книг о том, как это надо делать. Во-первых, существует огромное количество литературы по экономике, бизнесу и экономическим циклам. Эти книги необходимы, если вы хотите по-ученому высказываться о предмете. Такими книгами, а некоторые из них превосходны и недешевы, набиты полки в магазинах. Далее, есть книги, посвященные анализу процентных ставок на кредитном рынке; они пытаются прогнозировать биржу, внимательно рассматривая эту ставку, систематизируя то, что всегда называлось «качелями» между акциями и облигациями. Согласно этим книгам, необходимо внимательно следить за тем, что на уме у Федерального резервного банка, чтобы соответствующим образом корректировать свои действия. Доступная для понимания работа Бертона Крейна «Искушенный инвестор» — одна из таких книг. Наконец, есть книги по анализу ценных бумаг и прежде всего книга Грэма и Додда, которая так и называется: «Анализ ценных бумаг». (Любой истинный последователь Грэма и Додда с ходу вычислит бумаги с заниженным курсом — одним щелчком движка логарифмической линейки.)

Здесь, однако, стоит понять одну истину. Поле *рационального* изучения предмета разработано прекрасно. Когда в 1937 году было основано Нью-Йоркское общество анализа ценных бумаг, оно насчитывало двадцать членов. Сегодня таких членов — вместе с ассоциированными отделениями федерации финансовых аналитиков — более одиннадцати тысяч. Отсюда вовсе не следует автоматический вывод о том, что в этом обществе одиннадцать тысяч миллионеров.

В течение жизни целого поколения Уолл-стрит была весьма непопулярна (речь идет о поколении, рабочие годы которого пришлось на период с 1929-го по 1946-й). В 1937 году, когда скучковалась первая скромная группка аналитиков, только три выпускника Гарвардской школы бизнеса осмелились вопреки гневу и отчаянию родных и близких войти в это логово порока, Уолл-стрит. В памяти людей была еще очень свежа фотография Ричарда Уитни, экс-президента Нью-Йоркской фондовой биржи, сделанная на ступеньках его нового дома — тюрьмы «Синг-Синг».

Теперь за нами двадцать лет непрерывно растущего рынка и почтительного отношения к Уолл-стрит. Уже не одни аналитики изливают на нас бурные потоки своих трудов, но и университеты полны студентов-стипендиатов, которые, работая на университетских IBM 360, соотносят все мыслимые цифры, цены и тенденции со всеми прочими мыслимыми цифрами — после чего 360-я за считанные наносекунды выдает каждому работы еще на несколько месяцев.

Поэтому давайте на момент задумаемся над словами Джеральда Лоэба, непревзойденного мастера чтения ленты тикера и автора книги «Битва за выживание инвестмента»:

«Не существует окончательного ответа на вопрос о ценности того или иного актива. Дюжина экспертов даст вам двенадцать разных заключений. Часто случается и так, что несколькими мгновениями позже каждый из них изменил бы свой вердикт, если бы ему дали возможность это сделать, потому что изменились обстоятельства. Биржевая стоимость бумаг строится лишь отчасти на балансовых и приходно-расходных отчетах. В гораздо большей степени эта стоимость основывается на человеческих надеждах и страхах: на жадности, амбициях, стихийных бедствиях, изобретениях, финансовых стрессах, погоде, открытиях, моде и на бесконечном ряде иных причин, которые просто невозможно перечислить».

Надежды, страхи, жадность, амбиции, стихийные бедствия — вряд ли возможно выразить нашу проблему в более сжатой форме. Все эти факторы очень трудно запрограммировать в нечто столь бесчувственное, как IBM 360. Впрочем, существует школа, утверждающая, что все эти моменты уже содержатся в цифрах и что изучение этих цифр есть занятие рациональное, поиск некоей сияющей исти-

ны, называемой ценностью. Ценность всегда есть, как дерево епископа Беркли, которое, падая в лесу, производит шум независимо от того, есть ли там кто-то, кто этот шум может услышать. Штука, однако, в том, что, как говорит Дж. Лозб, ценность — это лишь часть игры.

Единственная вещь, которая действительно наличествует независимо от того, найдем ли мы когда-нибудь истинную ценность, это ликвидность — возможность покупать и продавать мгновенно и без особых усилий. Ликвидность — это краеугольный камень Уолл-стрит. Именно она делает Стрит финансовой столицей мира, потому что — за исключением редких и странных приступов паники — это действительно ликвидный рынок. Нью-Йоркская биржа ликвидна, и работает она честно и открыто. Подобных мест в мире столь немного, что если вы богатый иностранец, желающий иметь возможность в любой момент обратить свои бумаги в наличность, но одновременно получать доходы на капитал, то для вас есть буквально единственное место, где это можно сделать. Лондонская биржа также ликвидна, честна и открыта, но там игра идет с британскими бумагами и выбор гораздо более ограничен, в том числе и нынешними горизонтами самой Великобритании.

Я вовсе не преуменьшаю значимости изучения экономики, экономических циклов или даже анализа ценных бумаг. Но знание этих предметов не гарантирует успеха, а с другой стороны, надежда на успех существует, даже если вы об этих науках не имеете ни малейшего понятия. Прежде чем мы двинемся дальше, давайте послушаем одного из старейшин финансового менеджмента. Мистер Джонсон возглавляет группу фондов «Фиделити», а в фондовой лиге она чемпион уже не один год. Изрядное количество инвестиционных менеджеров описывают сущность своей работы в очень простых словах. «Моя работа, — говорят они, — состоит в том, чтобы переиграть «Фиделити»». Рассказывают, что в палатке генерала Монтгомери всегда висела фотография фельдмаршала Роммеля. Я не думаю, что инвестиционные менеджеры прилепляют к стене фотографию мистера Джонсона. Они вешают на стену схему его портфеля ценных бумаг и разыскивают участки, где они могли бы его побить.

Когда я вернулся в Нью-Йорк из Бостона после ланча с мистером Джонсоном, дело шло к вечеру, и я сразу же направился в «Оскар», популярный ресторан рядом с Уолл-стрит. Я хотел узнать, что произошло за день. В «Оскаре» есть один столик, где вам всегда со-

общат, почему после обеда масса денег пересекла из одних карманов в другие и почему акции сегодня двигаются именно так, а не иначе. Этот столик всегда занят пьющими martini инвестиционными менеджерами и их друзьями. Речь не о середняках, работающих с индивидуальной клиентурой, а о ребятах, заправляющих сотнями миллионов долларов в условиях постоянного и мощнейшего прессинга. Их любимая фраза: «Дай результат». Не было никаких сомнений в том, что это настоящие знатоки, потому что, когда я сказал о моем ланче в клубе «Юнион» с *мистером Джонсоном*, никто ни секунды не заблуждался насчет того, о каком мистере Джонсоне идет речь. Парни хотели знать, что думает *мистер Джонсон* о нынешней ситуации. Внезапно в воздухе запахло неподдельным уважением — редкая штука за неизменно циничным столиком. В сумме эффект был такой же, как если бы актер, пришедший на репетицию, рассказывал товарищам-актерам, что только что играл в теннис в Речном клубе с мистером Эбботом, а мистер Эббот видел вчерашний прогон спектакля и поделился своими мыслями на этот счет. В общем, напряженное внимание гарантировано.

Кстати, интересно, что никто в театральном мире не называет мистера Эббота Джордж, и я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь назвал мистера Джонсона Эдвард. Но мистер Джонсон не выставлен на публичное обозрение. Его имя не стоит в названии фонда, как, скажем, имя Джека Дрейфуса. Обычный обитатель Уолл-стрит о нем тоже практически ничего не знает. Моего друга Чарли, имеющего свой собственный ультрамодный фонд, приходится даже убеждать в том, что мистер Джонсон существует. При имени «мистер Джонсон» у него в воображении рисуются образы далекие и таинственные, подобные спрятанной в облаках вершине Килиманджаро или тибетскому гуру, который делится своим секретом с героем фильма «Лезвие бритвы».

Другие люди тоже имеют компании, заправляющие горами денег, так что дело вовсе не в трех с половиной миллиардах, которые проворачиваются в фондах мистера Джонсона. Отчасти причина коренится в том, что один из фондов мистера Джонсона, «Фиделити Тренд», сумел оправдать свою вывеску «результативного» фонда, заняв первое место среди всех ведущих фондов по результатам первой половины текущего десятилетия. К тому же два фонда мистера Джонсона, «Фиделити Кэпитэл» и «Фиделити Тренд», умудрились удержаться даже в условиях

медвежьего, неуклонно катившегося вниз рынка. В общем и целом, группа мистера Джонсона «Фиделити» имеет одиннадцать фондов — симпатичный и скромный бизнес в три с половиной миллиарда долларов.

Другая причина такого уважительного отношения коренится в том, что мальчики мистера Джонсона, выйдя в мир, неизменно привлекают к себе самое пристальное внимание. Некоторые вообще думают, что мистер Джонсон руководит академией по подготовке финансовых менеджеров. Два года назад Джерри Цай красовался во всех газетах, потому что он основал свой новый фонд, в который люди с ходу влили \$274 миллиона — абсолютный рекорд. «Я просто хотел обзавестись собственным маленьким фондом», — сказал Джерри, уходя из «Фиделити Кэпитэл» мистера Джонсона. Теперь у Джерри \$450 миллионов, но он до сих пор произносит «мистер Джонсон» таким же тоном, как и все прочие понимающие ребята. Немудрено, что таинственная группа «Фиделити» начинает представляться вам как какая-то средневековая обитель, где соученики под завывание вьюги снаружи поджаривают свои лепешки в пламени очага, радуясь тому, что мистер Чипс так хорошо выучил их греческому, отчего они теперь в состоянии уловить все нюансы в пьесах Эврипида, которые читает им наставник.

В мистере Джонсоне меня покоряет то, что он никогда не говорит о бирже в терминах валового национального продукта, снижения налогов или производства автомобилей. Он говорит о том, как сосуществуют в отдельном моменте реальность и время; о том, есть ли достойные внимания места в книге Алана Уоттса «Мудрость ненадежности»; о том, может ли ажурная отделка на женских юбках что-то значить, — и обо всем этом он говорит абсолютно серьезно. Он даже заставил своих аналитиков проверить, не может ли эта отделка на юбках быть индикатором какой-то тенденции.

— Биржа, — говорит мистер Джонсон, — подобна красивой женщине: беспредельно чарующей, бесконечно сложной, всегда переменчивой, неизменно таинственной. Я был поглощен ею без остатка с 1924 года, и я знаю, что это не наука. Это искусство. Теперь у нас есть компьютеры и всякая разная статистика, но биржа все та же, и понять ее не стало ни на йоту легче. Все всегда строится на личной интуиции, на том, чтобы почувствовать особенности поведения биржи. В ней всегда есть нечто неведомое и не поддающееся определению.

Это главная привлекательная черта мистера Джонсона: он всегда говорит так, словно выступил в поход за истиной. Редкое качество в бизнесе, которое Норман О. Браун, пойдя он в своем фрейдистском анализе денег чуть дальше (книга «Жизнь против смерти»), назвал бы перемещением куч, мягко говоря, грязи с одного места на другое. Кое-что из этого совпадает с тем, что пишет о бирже Уолтер Гутман в своих регулярных публикациях. Там и сям на Уолл-стрит встречаются люди, буквально очарованные Колдуньей всех рынков. Некоторые из них — постоянные клиенты психоаналитиков. Разница здесь в том, что мистер Джонсон все эти книги читал. Мистеру Джонсону скоро семьдесят, и у мистера Джонсона \$4,5 миллиарда. Может, у мистера Джонсона есть настоящие книги о Колдунье. *Может быть, мистер Джонсон знает.*

Мистеры Джонсоны не заправляют в Бостоне со времен Джорджа Эпли. Но вам почти удастся забыть о том, что ныне город захвачен ирландцами и итальянцами, когда вы идете по Девоншир, мимо здания конгресса и старой ассамблеи штата, где на каждом углу висят таблички, повествующие о том, что здесь Пол Ревир запрягал свою кобылу, а здесь Джон Хэнкок выронил свое гусиное перо. Мистер Джонсон идет в клуб «Юнион» той же дорогой, которой туда ходил его отец. Отец мистера Джонсона занимался текстильным бизнесом, и ходить ему приходилось чуть-чуть дальше, но дорога все равно та же самая. В лифте клуба «Юнион» полно молодых и не очень молодых людей, и все они говорят: «Здравствуйте, мистер Джонсон!» Я не думаю, что это возможно в Нью-Йорке: ходить по той же самой дороге в тот же самый клуб, где всегда обедал твой отец. В Нью-Йорке такой клуб давно бы снесли до основания, а на его месте взгромодили бы гигантское стеклянное чудовище, поместив сам клуб на сорок шестой этаж, — клуб, в котором теперь мелькали бы жадные на паблисити типы, озабоченные тем, чтобы метрдотель запомнил их имена.

Мистер Джонсон, говоря о бирже, расплывается в лучезарной улыбке и произносит: «Боже...» Почти как обязательный профессор в фильмах, к которому приходят перед главным матчем и говорят: «Профессор, если вы не поставите удовлетворительную оценку старине Бульдозеру, он не сможет в субботу играть в футбол против команды штата!» Я это к тому, что у мистера Джонсона тоже галстук-бабочка в крупный горошек, очки в роговой оправе, красные подтяжки, коротко стриженные седые волосы и три

авторучки в нагрудном кармане — все точь-в-точь как у того профессора. Чуточку небрежно, но пружинисто и энергично.

Мистер Джонсон учился в колледже, который теперь все называют Гарвардом, затем посещал Школу права, а окончив Кембридж, стал работать в «Роупз Грей», самой большой в Бостоне адвокатской конторе. В те годы Колдуньей всех рынков он интересовался во внеслужбное время. В фондовый бизнес он шагнул только в 1943 году. «Человек, управлявший «Фиделити» в то время, был не в состоянии прокормить даже собственную семью, и тогда я решил этот фонд у него выкупить», — говорит мистер Джонсон.

— В фонде было 3 миллиона долларов. Боже, как приятно видеть, когда что-то растет в геометрической прогрессии. Последние десять лет были самыми лучшими, потому что я всерьез занялся менеджерами. Диплом аналитика не может сделать человека менеджером фонда. Что должен иметь хороший менеджер? Абсолютную сконцентрированность, интуицию, чутье, а этому в университете не научишь. Главное, что должен знать человек, — это себя самого. А человек, который знает себя, может выйти за свои пределы и наблюдать за своими реакциями со стороны. Боже, я, конечно, не думаю, что научился делать хороших менеджеров. Просто я длительное время проработал в крупной юридической фирме, а в юридической фирме каждый партнер работает со своими собственными клиентами. И я позволил нашим менеджерам создавать свои собственные фонды и ими управлять. Каждый отвечал за свое дело. Менеджер мог спуститься вниз и поговорить со мной, если ему так уж нужна была консультация, но шоу в целом принадлежало ему. Решения должны приниматься индивидуумами — группа не может этого сделать. А на мой взгляд, очень многое в инвестиционном бизнесе строится по принципу комитета. Когда человек находится на пути к тому, чем он может и собирается стать, тогда мы видим человека в лучшем его проявлении, на его максимуме. Правда, после того как он этого достиг, он теряет какую-то неувимую частичку своей отточенности, как звезда после лучшей своей роли — и нам удалось вовремя одернуть пару таких ребят. Наблюдая за настоящими людьми, ты видишь, как вокруг каждой ошибки буквально кипят соки последующей учебы. Человек учится на ошибках. Когда я оглядываюсь назад, вся моя жизнь представляется мне бесконечной цепью ошибок.

Я сказал мистеру Джонсону, что меня более всего интересуют аспекты биржи, связанные с массовой психологией.

— Работая юристом, — сказал мистер Джонсон, — я не имел возможности изучать компании в индивидуальном порядке. Я пытался прочувствовать структурные особенности их поведения. Биржа — это толпа. А если вы читали книгу Густава Ле Бона «Толпа», то знаете, что толпа наделена некоей суммарной личностью. По сути, *толпа мужчин ведет себя как индивидуальная женщина*. Ум толпы подобен женскому уму. И если вы достаточно долго наблюдаете за женщиной, вы начинаете видеть все маленькие трюки, незаметные нервные движения рук, выдающие тот момент, когда она лжет.

Я, знаете ли, говорил об этом со множеством психиатров. Я хотел, чтобы они поработали для нас, потому что толпа действительно имеет коллективную личность — иногда маниакальную, иногда депрессивную, иногда апатичную. Но проблема с психиатрами заключается в том, что они работают исходя из априорных посылок, а это не годится. Хороший рынок, я думаю, как и успешная психиатрия, должен работать на эмоциональном раппорте. Никаких предварительных априорных идей не должно быть. На рынке, на бирже присутствуют фундаментальные моменты и истины, но неисследованная область — именно область эмоциональная. Все графики, «индикаторы разброса» и прочие техники есть всего лишь попытки статистиков описать некое эмоциональное состояние.

И однажды я подумал: может быть, ребята, работающие над восточными состояниями сознания, — ну знаете, как в книгах Алана Уоттса о дзен, — может быть, они могли бы дать какие-то ответы.

Может быть, мистер Джонсон знает дзен-буддистский подход к рынку!

— О боже, нет. Там речь просто об индивидуальном восприятии. Если вы помните «Мудрость ненадежности», то знаете, что мы нуждаемся в препятствиях. Нам нужна прочность и жесткость, чтобы продвинуться еще дальше. Что-то неизбежно теряется при этой нашей национальной мании обустроиться безопасно и надежно, в условиях полной занятости и даже избытка предложения на рабочем рынке. Но дзен — нет, здесь я всего лишь читатель, а не исследователь. *Биржа чересчур сложна для дзен.*

Мне кажется, что доминантная нота нашего времени — ирреальность. Последние звуки мелодии, которую мы все слышали, уже

затишают вдаль. Она звучала долго, по меньшей мере несколько десятилетий, но стоит придерживаться прекрасного правила: «*Когда мелодия умолкла, забудьте о старой мелодии*». Почему ирреальность? Потому что времена воинствующего духа есть времена ирреальности. В истории такой дух всегда был предметом для насмешек (Дон Кихот и так далее), но ныне мы наблюдаем движения массовой эмоциональности, которые пытаются изменить мир. Вьетнамская война и движение за гражданские права — вот вам два примера. Я не даю здесь никаких оценок. Все, что я хочу сказать, это то, что ментальное отношение к этим проблемам очень воинственно, а воинственность и страстность не имеют в себе элементов долгожительств. В хорошие и спокойные времена делать деньги нетрудно, но во времена ирреальности рынок говорит: «Ты больше не понимаешь меня, не доверяйся мне, пока ты не сможешь меня понять».

К тому времени как нам подали кофе, мы с мистером Джонсоном беседовали о Шерлоке Холмсе и фондовой бирже, о Зигмунде Фрейде и фондовой бирже, а также об «Испытании переменами» и Марке Аврелии.

В «Оскар» напряженная тишина и нахмуренные брови.

— Марк Аврелий, — говорит мой приятель, ковбой из хеджевого фонда. — Спорить готов, что когда он упоминает Марка Аврелия в присутствии каких-нибудь своих заторможенных дилеров из глубинки, те брякаются в обморок.

— Это ведь один из фондов мистера Джонсона запустил свои штурмовые бомбардировщики на «Фэйрчайлд», взбесив даже Комиссию по ценным бумагам, — говорит другой знающий человек. — На кого полетят штурмовики в следующий раз?

Губы Чарли шевелятся, не отрываясь от кромки стакана.

— Вьетнамская война как крестовый поход, и Линдон Б. Джонсон как Людовик IX, — бормочет он. — Толпа мужчин ведет себя как индивидуальная женщина.

Последние звуки мелодии затишают вдаль. Голос Чарли набирает силу.

— Этот тип обедал с самим *мистером Джонсоном*! И он приезжает назад с *вопросами*. С вопросами! Какой звук издает одна аплодирующая ладонь? Где ответы? Что делает мистер Джонсон? Я больше не могу это выносить! И хватит рассказывать мне о Юнге и медвежьем рынке! *Акции каких трех компаний предпочитает мистер Джонсон?* Что произойдет дальше?